

в покое?.. Но должны ли мы утверждать, что оно обладает умом, жизнью же нет?.. А, согласившись в том, что ему присущи и то, и другое, [не] станем ли мы говорить, что они находятся у него в душе?

Теэтет: Но как иначе оно могло бы ими обладать?» (248e–249a).

*С. Ю. Трохачев**

ПЛАТОН И ГИППОКРАТ

В любом труде по истории медицины вообще и греческой в частности мы непременно встретим утверждение о том, каким безусловным уважением пользовался знаменитый Гиппократ среди современников. Платон был примерно на 30 лет моложе Гиппократа, годы жизни которого определяются приблизительно: около 460–370 до н. э. В диалоге «Протагор» Сократ беседует с юношей, тоже Гиппократом, собирающимся за деньги учиться у известного софиста Протагора. В своей традиционной пытливой манере Сократ доказывает, что если бы молодой человек поступил в учение к его тезке «из семьи Асклепиадов», то в лице последнего, он платил бы врачу, если же отправился бы к Поликлету и Фидию, то в их лице платил бы ваятелям (311 b–c). Перед нами обычное, отнюдь не глобальное, сопоставление, однако на его основании даже столь авторитетный исследователь как В. Йегер

* *Трохачев Сергей Юрьевич* — канд. филос. наук, доцент медицинского факультета СПбГУ, проректор Русского Христианского Гуманитарного Института.

почему-то делает вывод о том что для Платона Гиппократ «казался... воплощением самой медицины, подобно тому как Поликлет и Фидий были для него воплощением пластических искусств». Далее следует утверждение, что и Аристотель «считал Гиппократа величайшим врачом».¹ Между тем в тексте «Политики» Аристоителя Гиппократ упомянут по случайному поводу на фоне рассуждения о том, что критерием величия государства надо полагать не численность населения, но силу, подобно тому как, например, Гиппократ как врач считается «более великим», чем какой-нибудь человек, превосходящий его по объему тела (1326a15).²

По сути, не менее случайным представляется и сравнение Платона. Известный историк медицины Л. Эдельштайн справедливо указывал на то, что подлинная слава пришла к Гиппократу значительно позднее, во времена Галена (около 130–210 н. э.).³ Ближайшие же свидетельства ограничиваются двумя приведенными ссылками, еще одной платоновской в диалоге «Федр», профессиональными замечаниями Ктесия, служившего врачом при дворе Артаксеркса II (404–358 до н. э.), и Диокла из Кариста (сер. IV в. до н. э.), которого, кстати, называли «вторым Гиппократом».⁴

Таким образом, прижизненные свидетельства о Гиппократе отнюдь не выглядят столь уж впечатляющими.⁵ Утверждения некоторых историков медицины о том, что в диалоге «Тимей», квинтэссенции платоновской физиологии, прослеживается глубокое знакомство Платона с медицинской литературой, совершенно справедливо, но то, что изложил Платон, категорически не согласуется с сочинениями Гиппократовского корпуса. М. Велльманн

отметил здесь влияние сицилийской школы медицины, в частности, Филистиона из Локр, современника Платона,⁶ который, предположительно, уже в IV в. до н. э. производил анатомические вскрытия.⁷

Наиболее существенна ссылка на Гиппократ в диалоге «Федр» (270 c–d). На вопрос Сократа, можно ли постичь природу души без понимания природы всеобщего, Федр отвечает, что, по Гиппократу, даже природу тела нельзя постичь каким-либо иным способом, кроме этого. Сократ предлагает проверить разумом утверждение Гиппократ: «не следует ли вот таким образом мыслить о всяческой природе: во-первых, проста ли она или имеет много видов..., если проста, надо рассмотреть силу ее воздействия..., если же у нее много видов, надо их сосчитать и понять свойства каждого вида...» Мы видим, что, по большому счету, Гиппократ здесь не при чем, Сократу он и вовсе не интересен, юный Федр ссылается на него скорее ассоциативно, хватаясь за понятие φύσις, которое, действительно, много раз фиксируется в Гиппократовском корпусе.⁸ Полемика в среде историков медицины сосредоточилась вокруг вопроса Сократа: следует ли в выражении ἀνευ τῆς τῶν ὅλων φύσεως усматривать «природу всеобщего», то есть природу универсума, или здесь имеется в виду природа всего человеческого тела. На первом понимании еще в античности настаивал знаменитый Гален зато схолиаст Гермий считал, что речь идет о природе тела. Из числа исследователей с Галеном соглашались Э. Литтре (1839), первый научный издатель Гиппократовского корпуса, далее Т. Гомперц (1911), М. Поленц (1918, 1938), В. Капелле (1922), У. Вилламовиц (1929), М. Велльманн (1929), К. Дейхгребер (1933), А. Кастильони (1934), В. Не-

стле (1940), В. А. Хайдель (1941), А.-Ж. Фестюжьер (1948), Г. Диллер (1952), А. Палм (1953) и др. Впрочем, и противоположная точка зрения касательно того, что Сократ подразумевал природу тела, представлена влиятельными именами таких историков философии и медицины, как Л. Эдельштайн,⁹ Г. Ж. де Врие (1969) и Ж. Жуанна (1977).¹⁰ Выбор той или иной точки зрения обусловил дальнейшие соображения историков медицины относительно авторства отдельных сочинений Гиппократовского корпуса, где речь идет о природе тела или о душе. Между тем в общем контексте получается, что скорее всего Сократ имел в виду природу всеобщего, природу универсума. Хотя чуть выше (270 b) он предлагает тезис об общности приемов в искусстве врачевания, которое имеет дело с природой тела, и искусстве риторики, где в центре внимания — природа души, далее он сосредотачивается именно на природе души.¹¹

Итак, не сомневаясь в глубоком знакомстве Платона с медицинской литературой, о чем свидетельствуют пассажи в «Тимее» (81 e6–92 c9) и «Хармиде» (156 b3–c5), мы, однако, вынуждены признать, что гиппократовская школа (если таковая существовала) прошла мимо его внимания. Возвратимся теперь к диалогу «Протагор», где Гиппократ сопоставляется со скульпторами Фидием и Поликлетом. Так ли уж значимо это сравнение? Общеизвестно, что в классическую эпоху занятие физическим трудом, тем более ради заработка, считалось недостойным свободного человека. Деятельность художников и скульпторов ценилась ниже литературной,¹² и уж, конечно, ниже философского теоретизирования. Любые профессионалы, работавшие для заработка, «были объектами общественного презрения».¹³ Такое отношение проявлялось не во всех

слоях общества. Напротив, установка на славу обеспечивала законную гордость своими достижениями как ученых, так и разного рода ремесленников. В конечном итоге стало возможным использовать ученые познания с целью извлечения прибыли, причем общественное мнение не противостояло данной тенденции. Однако, что касается позиции Платона, Ксенофонта и других учеников Сократа, то их отношение к заработкам философов было резко отрицательным.¹⁴ Ксенофонт вкладывает в уста Сократу сравнение софистов с проститутками (Mem. 1.6.13). Для Платона даже «свободные» дисциплины — арифметика, геометрия, астрономия и теория музыки, — приличествующие каждому достойному человеку, не удостоились права именоваться науками (ἐλι στήματα), но остались в ранге лишь традиционных «искусств» (τέχναι), пусть даже «крайне необходимых» (Alcin. De doct. Plat. 7.45). Медицину же Платон нигде не включает даже в число «свободных искусств», но зато сближает ее по значению с... гимнастикой (Resp. 525 a).

Тем более в разбираемом фрагменте из «Протагора» у Платона не было решительно никаких оснований возвеличивать Гиппократу, который, как и софист Протагор, обучает за деньги. Ибо «свободными», или «благородными» искусствами, по Аристотелю, считались те виды деятельности, которые, в частности, не оплачивались (Pol. 1337 a33). Аналогичный подход мы встречаем и в образованной римской среде. Для Сенеки «свободные искусства», стремящиеся к прибыли, превращаются в «продажные ремесла» (Ad Lucil. 88.1). Марк Аврелий говорит о «простых ремесленниках» (βάνωποι τέχνισταί), в число которых, судя по контексту, включает и врачей (Med. 6.35).

Богатство не отрицалось классическими греками. Но истинным благом считалось богатство наследственное, оно же естественное, которое логически определяло статус свободного человека (Arist. Pol. 1385 a15 sq.). Судя по фрагменту из «Протагора», именно в этом «природном даре» Платон и отказывает Гиппократу, что заставляет усомниться в принадлежности греческого врача к богатому роду. Между тем и этот тезис безоговорочно принимается едва ли не всеми историками медицины, указывающими, что Гиппократ происходил из рода Асклепиадов. Здесь, разумеется, смешиваются два разных обстоятельства: принадлежность к древнему роду не означает происхождения из богатой, хотя бы и знатной, семьи.¹⁵

Мы должны признать, что свидетельства Платона о Гиппократе, равно как и прочие упоминания современников, не дают никаких оснований для подтверждения прижизненного высокого статуса медика с острова Кос. Нет сомнения в том, что Платону Гиппократ представлялся лишь «ремесленником». Другое дело, что на оснований только слов Платона нельзя реконструировать историю гиппократовской медицины. Нужны профессиональные оценки, исходящие из сообщества, к которому принадлежал Гиппократ. Но и здесь приходится признать, что славословия по адресу Гипократа фиксируются значительно позднее, в римскую эпоху. Все эти обстоятельства заставляют более пристально взглянуть в известную фигуру и, возможно, выдвинуть особую проблему «гиппократовского вопроса» в истории медицины.